46. ВОРОЖЕЯ.

Въ 1829 году прибыли мы самъ–другъ въ армію, въ Турцію, гдѣ въ то время шла война. Первымъ дѣломъ нашимъ было просить деньщиковъ, чтобы хоть было кому присмотрѣть за нашими лошадьми. Намъ дали малоспособныхъ для фронта пензенцевъ — и мы скоро увѣрились, что они точно были малоспособны, и что это былъ не поклепъ на нихъ. Одинъ изъ нихъ, Андрей, выказывалъ одну только способность: ѣсть безъ мѣры и безъ разбору, за двоихъ, троихъ, — пожалуй и за семерыхъ — во всякое время дня и ночи; онъ не разбиралъ часовъ, и потому былъ созданъ для походовъ. Другой, Степанъ, не могъ похвалиться и этимъ: это былъ какой–то бѣднякъ, выросшій у глупой матери на пшеничномъ тѣстѣ, на ситничкахъ; вялый, нѣженка, брезгливый и слабый, онъ въ походъ плохъ, и нигдѣ не умѣлъ взяться руками за дѣло.

Земляки эти вѣчно ссорились. Андрею, какъ здоровому мужику, отданы были на руки лошади, сбруя, сѣдла, вьюки, фуражъ; Степану приказано ходить за господами и стряпать обѣды. Не мудрена была должность эта, въ военное время: каша, мать наша — да кашица, кормилица; но Степанъ и съ этимъ не могъ управиться; отъ огня руки трескались, каша пригорала, огня раздуть на–скоро не умѣетъ; — а если мы ему выговаривали за это, то онъ плакался и жаловался на тяжелую службу свою, попрекая Андрея, что тому легко, Андрей, напротивъ, понимая, что его должность болѣе рабочая и тяжелая, бранилъ его и называлъ дуракомъ, особенно, когда Степанъ попрекалъ его обжорствомъ. Они прокляли другъ друга и напророчили, Степанъ Андрею, что онъ будетъ воръ и въ воровствѣ попадется и пропадетъ; а Андрей Степану, что его скоро турки задушатъ.

Перешли мы съ арміею еще дальше, и на одномъ ночлегѣ долго ожидали своего повара и кормильца, Степана — но онъ не

являлся. Мы давно проголодались, ночь наступала, со свѣтомъ надо было сыматься со стану и итти дальше — а Степана съ хлѣбомъ и харчами нѣтъ. Только мы его и видѣли; Степанъ пропалъ безъ вѣсти, съ лошадьми и вьюками; вѣроятно онъ, поссорившись съ Андреемъ и отъѣхавъ въ сторону, отсталъ отъ обоза и попался въ руки туркамъ.

Прошелъ годъ, и другой, о Степанѣ мы давно забыли, а Андрей все еще служилъ вѣрой и правдой деньщикомъ, хотя онъ и былъ неповоротливъ, тупъ и глупъ, все по старому; но онъ былъ смиренъ и послушенъ, а и это, коли человѣкъ не пьетъ, свойства хорошія. Онъ также былъ честенъ, никогда барскимъ добромъ не соблазнялся, и чужую деньгу берегъ.

Однажды — это было передъ Пасхой — въ застольной вышла большая тревога, которая, послѣ долгихъ споровъ, крику и брани, кончилась тѣмъ, что кучеръ пришелъ къ барину, просить за свою кровную обиду; власть ваша, сударь,

сказалъ онъ, а тутъ въ домѣ житья нѣтъ; Андрей укралъ у меня 50 рублей.

Баринъ удивился этому, потому что Андрей, какъ я сказалъ, всегда слылъ честнымъ человѣкомъ и никогда не былъ замѣченъ въ воровствѣ. Онъ сдѣлалъ разбирательство, но оказалось, что кучеръ взялъ это, какъ говорится, съ вѣтру; никакихъ уликъ и доказательствъ на Андрея не было. Кучеръ твердилъ одно: власть ваша, сударь, а больше некому; но Андрей зарекался и подозрѣніе ничѣмъ не подкрѣпилось, то баринъ и сказалъ кучеру, что надо предать дѣло на волю Божью, а Андрея наказывать за это нельзя.

Черезъ день–другой кучеръ, однакоже, опять пришелъ къ барину съ тою же жалобою и утверждая, что некому было украсть денегъ, кромѣ Андрея, просилъ надъ нимъ расправы. Баринъ прогналъ было его; тогда онъ сталъ просить, чтобы ему позволили сходить съ Андреемъ къ ворожеѣ; если онъ правъ, то пойдетъ смѣло, а если виноватъ, да не захочетъ итти, такъ воля ваша, а деньги онъ укралъ.

Чтобы отвязаться отъ этой докуки, и кончить дѣло, баринъ приказалъ Андрею итти съ кучеромъ къ ворожеѣ. Кучеръ былъ очень доволенъ, и Андрей, какъ казалось, также; назначили день и часъ, а именно, итти рано утромъ натощакъ — и отправились.

Ворожея эта, которая ловко и искусно обманывала, не только простой народъ, но и многихъ неразумныхъ господъ, была старуха причудливая и принимала по выбору, за великую милость и хорошія деньги, потому–де, что говорила всегда только одну правду; а если ей и случалось провраться, такъ, чай, этимъ никто послѣ не хвалился. Къ этой–то знаменитой ворожеѣ, которая всегда говорила одну только правду — кромѣ когда врала — кучеръ нашъ нашелъ дорогу, черезъ кухарку ея, которая приходилась кумой племяннику другаго кучера, знакомому нашему.

Кучеръ всталъ до свѣту, разбудилъ Андрея, помолился и отправились. Пришедши на мѣсто, кучеръ увидѣлъ, что

должно быть еще раненько: ставни у ворожеи еще заперты. Онъ постучался тихонько въ дверь, кухарка выглянула и сказавъ ему, что колдунья еще спитъ, велѣла обождать. Кучеръ съ Андреемъ присѣли рядкомъ за воротами и стали мирно разговаривать; прошло съ полчаса, кучеръ соскучился и пошелъ опять толкнуться; кухарка велѣла обождать минуточку въ сѣняхъ, обѣщавшись тотчасъ же доложить. Кучеръ остался одинъ, призадумался, раскидывая умомъ: найдутся ли деньги его, и что–то ворожея скажетъ Андрею? какъ вдругъ дверь опять растворилась, кухарка выглянула и позвала просителей.

Кучеръ бросился опрометью къ воротамъ, призывая громко Андрея, но выскочивъ за ворота, увидѣлъ — не Андрея, а только мѣсто, гдѣ Андрей сидѣлъ. Онъ оглянулся въ обѣ стороны — нѣтъ его; вышелъ на середину улицы и, прищуриваясь, глядѣлъ туда и сюда, загородивъ отъ солнца брови ладонью — нѣтъ, нигдѣ не видать Андрея, и Богъ его

знаетъ, куда онъ теперь не кстати запропастился! Поглядѣлъ опять на дворъ, зашелъ за уголъ въ одну сторону, въ другую — нѣтъ; видно, соскучился дожидаться, да ушелъ домой.

Въ это время выглянула кухарка и, не давъ кучеру договорить жалобы своей, что Андрея онъ не найдетъ, — сказала: ворожея уже поглядѣла въ карты, и ходить тебѣ къ ней не зачѣмъ: воръ твой, вишь, бѣжалъ, далеко, и денегъ своихъ ты не найдешь.

Поблагодаривъ нехотя куму племянника знакомаго кучера за такое нехорошее слово, тогда какъ онъ думалъ теперь–то и уличить дома Андрея въ томъ, что онъ струсилъ, а стало быть, укралъ деньги, — нашъ кучеръ подралъ домой. Пришедши, спрашиваетъ: давно Андрей пришелъ? — Нѣтъ, говорятъ, его здѣсь еще не бывало. — Какъ такъ? Онъ ушелъ отъ меня домой, струсилъ мошенникъ! — Нѣтъ, онъ домой не приходилъ. Ждать–пождать — Андрея нѣтъ, и опять таки нѣтъ, и нѣтъ по нынѣшній день: онъ пропалъ безъ вѣсти.